

— Я полагаю, что так оно и есть, — ответила Эшли с озорной улыбкой. — Если представится возможность, я помогу маме заглянуть в морские пучины и лично узнать, какого цвета волосы у тамошней принцессы.

— Хорошая идея. Ну что, прогуляемся сегодня?

Оммания поднялась, посмотрела на Эшли и, протянув руку, взяла её под локоть. Она была чуть ниже Эшли, и теперь они походили не на мать с дочерью, а скорее на двух сестер.

— О боже, люди не подумают, что я нянчусь с тобой уже больше десяти лет? — Оммания склонила голову набок. Её красные волосы заструились, переливаясь на свету, словно грани драгоценных рубинов.

— Может, и подумают. Но... разве это имеет значение? — Оммания прильнула к плечу Эшли, словно скупающее по матери дитя. — В их глазах мама осталась такой же прекрасной, как и десять лет назад.

Они вышли на улицу. Свет, пробивавшийся сквозь листву деревьев, озарял их волосы, напоминая две драгоценные ткани: красное, окутывающее золото, и черное, вобравшее в себя ночное небо.

Как и ожидалось, прохожие то и дело приветствовали их, не скрывая восхищения и зависти.

— Да хранит тебя Бог Света, Эшли. О, боже мой, неужели это... Оммания?

Старушка Агата, только что вернувшаяся из храма, столкнулась с ними на пути. Поздоровавшись с Эшли, она с изумлением уставилась на девушку, стоявшую рядом.

— Здравствуйте, бабушка Агата. Мама часто рассказывала мне о вас.

В отличие от вчерашней робости, Оммания улыбнулась и поприветствовала старушку с непринужденной грацией. Она добавила с легкой, самоироничной усмешкой:

— Помню, в детстве я немного вас побаивалась.

Агата замерла на мгновение, а потом, словно что-то вспомнив, хлопнула себя по руке:

— Ох, надо же! Ты до сих пор помнишь такие пустяки!

Она взглянула на Эшли, и в её глазах читалось искреннее удивление.

— Столько лет прошло, а ты, Эшли, ничуть не изменилась. Бог Света, только посмотрите на вас! Стоите рядом — ну просто сестры!

Эшли лишь беспомощно улыбнулась, а Оммания ещё крепче прижалась к её руке, доверчиво положив голову на плечо матери.

— Посмотрите, какая чудесная семья. Если бы Лукас тогда не сдался, это была бы его величайшая потеря.

Поболтав ещё немного, Агата попрощалась:

— Давайте как-нибудь поболтаем подольше, а сейчас — да хранит вас Свет!

— Конечно, до свидания, бабушка Агата.

Проводив старушку взглядом, Эшли повернулась к Оммании, не в силах скрыть удивления:

— Ты сегодня повзрослела прямо на глазах, словно стала совсем взрослой, — она коснулась пальцем лба девушки.

— Нужно же отличаться от вчерашней себя. Юные божества всегда полны гордыни, и если им что-то не по нраву, они выражают это прямо, — Оммания покачала головой, и на её лице отразилось бессилие перед тем, что она не могла контролировать.

Эшли лишь снисходительно улыбнулась, и они продолжили путь к храму. Вскоре из-за деревьев показалась величественная статуя Эфэйтэ. Они остановились на том же месте, где стояли вчера. Эшли смотрела на Омманию, и чувство нереальности происходящего не покидало её: ещё вчера она обнимала маленькую девочку, молясь о её здоровье, а сегодня та уже стала взрослой.

— Что такое, мама? — Оммания поймала её взгляд, и в её глазах отразилась глубокая тревога.

Эшли покачала головой:

— Ничего, Оммания. Я всего лишь человек, и, глядя на такое, невольно начинаю думать, что прожила на десяток лет больше, чем на самом деле.

Хотя, будучи когда-то Богиней Свободы, она видела, как божества обретали власть за одну ночь. Но это было в прошлом. Если уж она решила стать человеком, то не должна оглядываться назад.

Эшли отвела взгляд, закрыла глаза и, сложив руки, принялась искренне молиться Богу Света. Оммания же, в отличие от вчерашнего дня, не стала молиться с таким же рвением. Она смотрела на статую Эфэйтэ, но уже не решалась встретиться с ней взглядом.

— Всё, что есть в этом мире, всё, что есть в моей судьбе, я вручаю Тебе. Боже мой, даруй мне Свой милосердный взор...

Пока Эшли молилась, Оммания перевела взгляд в сторону. Сквозь зелень кустарника она встретила с парой прекрасных розовых глаз — настолько красивых, что она поначалу приняла их за яркий цветок. Оммания опустила веки, закрыла глаза и сложила руки в молитвенном жесте.

Эшли открыла глаза и посмотрела на дочь. Оммания тут же последовала её примеру и опустила руки. Эшли задумалась о том, куда пойти дальше и когда же Оммания окончательно станет богиней.

В следующую секунду в воздухе разлился странный, дурманящий аромат. У Эшли закружилась голова, земля и небо поплыли перед глазами. Раздался испуганный крик Оммании:

— Мама!

Эшли лишилась чувств, но Оммания успела подхватить её, не дав упасть на землю. Если бы Эшли была в сознании, она бы поразились силе рук своей дочери — куда более крепких, чем у любого возницы. Такова была сила божества.

Оммания подняла глаза к кустам. Розовый цвет исчез, и из тени деревьев к ней вышли две богини в длинных платьях. Оммания спокойно смотрела на Аливайю и Пусике. Их лица изменились, став похожими на обычных женщин, но Оммания видела их истинную суть.

— Богиня Аливайя, матушка Пусике.

Аливайя улынулась, протягивая руку, словно предлагая оливковую ветвь. Её голос звучал насмешливо и беззаботно:

— Новорожденная дочь, почему ты не выразишь своего восхищения перед ликом красоты и мудрости?

<http://bllate.org/book/18502/1777528>